

В пересчете это было около пяти цзиней... но соли в них было меньше одного цзиня. А каменный нож, который они обменивали на соляные камни, нужно было полировать целых два месяца.

Кроме того, чтобы доставить каменные изделия из Племени Большой Горы, требовалось немало усилий, и все же Племя Большой Реки воспользовалось их слабостью.

Цзин Цюй слегка замолчал. Такая ситуация возникла из-за того, что их племя было недостаточно сильным, и их просто обижали.

После того как они закончат обмен соли и вернуться, в Сезон ветров он должен будет провести церемонию пробуждения и воспитать больше воинов начального уровня.

Лучше всего будет, если уровень всех воинов племени повысится. Только если их племя станет достаточно сильным, они смогут иметь абсолютное право голоса.

Когда они прибыли в Племя Большой Реки, уже начинало темнеть. Пока они разбирали товары для обмена, все еще не закончили.

Лан Сюн быстро вернулся с медвежьей шкурой и полным ящиком соляных камней, чтобы обменять их на глиняные чаши, чайник и дополнительные тарелки и чашки, которые обещал Цзин Цюй.

Целый большой ящик соляных камней, а ящики, которые они использовали для керамики, были немаленькими, и он был заполнен до краев, стоя перед ними.

Шань с удивлением трогал соляные камни в ящике, не веря своим глазам:

— Мы действительно получили столько соляных камней? И всего за эти глиняные чаши?!

— Когда Цзин Цюй сказал Лан Сюну, что хочет целый ящик соляных камней, я думал, что Лан Сюн взорвется от гнева. Не ожидал, что он действительно даст столько?!

Цзин Цюй, чувствуя себя не очень хорошо, слегка улыбнулся:

— Это говорит о том, что в Племени Большой Реки действительно много соляных камней, и они могут свободно ими распоряжаться.

Он не знал подробностей о Племени Большой Реки, и его просьба о целом ящике соляных камней была просто завышенной ценой, ожидая, что Лан Сюн начнет торговаться.

...Но он действительно смог обменять, и Лан Сюн быстро принес соляные камни. Керамика в глазах Лан Сюна была просто тонко отполированными каменными изделиями.

Как бы они ни были отполированы, это все равно были каменные изделия. То, что Лан Сюн согласился обменять столько соляных камней на их черные каменные изделия, говорило о том, что эта цена была для него приемлемой.

С одной стороны, в Племени Большой Реки действительно много соляных камней, а с другой — цена на их каменные изделия раньше была слишком занижена!

...Им еще нужно было поставлять оружие.

Цзин Цюй нахмурился, глядя на Шаня и Е:

— Отныне каменные ножи и топоры не будут входить в наш торговый ассортимент.

— Оружие ни в коем случае нельзя выпускать наружу. Кто знает, когда их племя может столкнуться с Племенем Большой Реки!

— Не говоря уже о другом... но соляные камни, которые Племя Большой Реки не может использовать до конца, очень интересуют Цзин Цюй.

Но пока он отложил эту мысль, сел у костра и дорисовал карту пройденного пути, затем спрятал пергамент.

Он продолжил делать песочные часы, которые уже начали принимать форму. Два соединенных между собой сосуда были готовы.

Осталось только аккуратно отполировать внутренние стенки, чтобы песок мог свободно течь, и можно было бы удобно отсчитывать время.

Он как раз полировал внутренние стенки камнем, когда услышал звонкий голос, зовущий их:

— Папа!

Он поднял голову и увидел красивую девушку в шкурах, которая бросилась к Шаню и прямо навалилась на него.

Она смеялась, обнимая его:

— Папа, я так по тебе скучала! Как только я услышала, что кто-то из Племени Большой Горы приехал обменивать соль, я подумала, что ты, может быть, здесь. И правда, это ты!

— Ой, что вы тут готовите? Пахнет так вкусно.

Шань, увидев ее, очень обрадовался, его лицо сияло от счастья. Он громко засмеялся и крепко похлопал ее по плечу:

— Конечно, я скучал по тебе.

— Мы готовим жареное мясо, ты точно его не пробовала. Это Цзин Цюй научил наше племя его готовить. Ты даже не сказала мне, что уходишь.

— Я так переживал в племени, а на охоте меня укусила змея, и яд был очень сильный, даже жрец не мог вылечить.

— К счастью, Цзин Цюй вылечил мою рану, иначе ты бы меня больше не увидела. Ты не хочешь вернуться с нами в племя?

Девушка надула губы и, обняв руку Шаня, начала капризничать:

— Я просто хотела посмотреть на мир с Фэном, но ты не разрешал.

— Вот я и сбежала из племени. Больше не буду, хорошо? Папа, как ты мог быть укушен змеей? Рана зажила полностью?

— Как выглядела та змея? Если рана еще не зажила, я пойду к жрецу и попрошу у него травы для лечения. Жрец знает много лекарственных растений.

Шань засмеялся и похлопал себя по груди:

— Не нужно, Цзин Цюй из нашего племени вылечил меня, и я уже полностью здоров. Теперь я сильный.

— Жрец сказал, что Цзин Цюй раньше был учеником жреца в каком-то Великом племени. Он очень умен, знает много вещей и нашел для племени много еды.

— И вот эта черная каменная чаша, посмотри, как она красива. Это Цзин Цюй сделал для нас. Хочешь, я подарю тебе ее?

Цзин Цюй сидел рядом и наблюдал за их разговором, смеясь и чувствуя себя комфортно. Он слегка моргнул.

Он спросил у Е, сидевшего рядом:

— Это Юнь?

Е, держа в руках длинный лук, настраивал его точность. Услышав вопрос, он поднял голову, посмотрел на нее и снова опустил взгляд, продолжая возиться с оружием:

— Уг.

Цзин Цюй почувствовал легкую зависть и даже перестал полировать песочные часы. Он наклонил голову и разглядывал Юнь. Она действительно была красивой девушкой.

Большие глаза с двойными веками, чистые и ясные черты лица, живой характер, звонкий голос, всегда смеющаяся.

Она была полна энергии и очень нравилась людям.

Но Цзин Цюй смотрел на нее с легкой грустью, тихо бормоча:

— Она не такая уж и красивая. Кожа не такая белая, нос не такой прямой, черты лица не такие изящные, волосы не такие черные, слегка желтоватые. Хм, она даже не такая красивая, как Чун.

Е, натягивая тетиву лука, серьезно ответил:

— Уг, она не такая красивая, как ты.

Цзин Цюй:

— ... Молодец, ты умеешь говорить.

Он слегка улыбнулся, снова взял песочные часы и начал полировать внутреннюю часть дерева, стараясь сделать их гладкими.

Тем временем Юнь и Шань разговаривали, и разговор зашел о Цзин Цюй. Шань громко крикнул в их сторону:

— Цзин Цюй, я отдал глиняную чашу Юнь.

— Только эту, больше ничего, хорошо?!

Юнь подняла голову и посмотрела на него, ее глаза загорелись. Она подошла к Цзин Цюй и весело заговорила с ним:

— Ты Цзин Цюй?

— Ты такой красивый, твои глаза как небо, такие красивые, кожа как снег, волосы как черное дерево.

— Ты самый красивый, кого я видела. Можно я потрогаю твое лицо? Твоя кожа, наверное, очень мягкая, как облако.

Цзин Цюй:

— ... Нет. Категорический отказ от флирта.

Даже если это красивая девушка, все равно нет! Что за шутки, разве можно просто так трогать чье-то лицо? А как же его репутация будущего жреца?!

Юнь немного разочаровалась, но затем снова улыбнулась ему:

— Дай мне потрогать, и я дам тебе потрогать меня.

Цзин Цюй:

— ... Нет. Категорически нет!

— Ты, девушка-хулиганка, как можно просто так трогать чье-то лицо при первой встрече? Разве ты не знаешь, что мужчинам и женщинам нельзя так делать?!

— Ну... Юнь, вероятно, не знала. Она просто хотела потрогать что-то красивое, чтобы почувствовать это.

— Но он не собирался играть в игру «потрогай меня, и я потрогаю тебя». Он не был извращенцем.

Юнь надула губы:

— Ладно.

Она повернулась и увидела Е, сидящего рядом, и весело подошла к нему:

— Е! Ты тоже приехал с отрядом по обмену соли?

— Я давно не видела тебя в Племени Большой Реки. Ты скучал по мне?

Е молча положил длинный лук и посмотрел на нее, затем слегка покачал головой, кратко ответив:

— Нет.

Юнь, как и Шань, была человеком с открытым характером, и ее публичный отказ не смутил. Она продолжала весело разговаривать с ним:

— Ну и ладно, я скучала по тебе в Племени Большой Реки.

— В прошлый раз я боялась, что ты заберешь меня обратно в племя, и сказала, что вернусь и стану твоей спутницей. Ты все еще злишься на меня? Я извиняюсь перед тобой, не сердись, хорошо?

— Что ты хочешь, я завтра соберу для тебя фрукты. Я знаю, где в Племени Большой Реки есть вкусные фрукты.

Е немного посмотрел на нее и слегка кивнул:

— Я не сержусь.

Юнь не хотела становиться его спутницей, и первые несколько дней он немного грустил. Но Е не был человеком, который долго переживает.

Через два дня он перестал думать об этом. Юнь не хотела, и он не мог заставлять ее. Он найдет кого-то, кто захочет стать его спутницей.

Он больше не думал о Юнь... не то чтобы не вспоминал, а действительно не думал, и она не приходила ему на ум.

Если он не думал о ней, то и не сердился на нее.

<http://bllate.org/book/16898/1556746>